

Пролог

Англия, 1181 год

Они подружились, будучи еще совсем маленькими, и не могли знать, что волею истории и судьбы им положено ненавидеть друг друга.

Их первая встреча состоялась во время традиционного летнего праздника, проводившегося из года в год на границе Англии и Шотландии. Леди Джудит Хэмптон впервые в жизни присутствовала на шотландских играх. Да и вообще никогда прежде ей не приходилось покидать свой уютный домик в западной Англии. То, что она увидела и услышала в первый же день, настолько взбудоражило ее невинное воображение, что ни о каком послеобеденном сне, обязательном для всех мальчиков и девочек, не могло быть и речи. Да, тут было на что посмотреть и что послушать! А уж для любопытной четырехлетней крошки здесь открывалось просто необозримое пространство для всевозможных шалостей и проказ.

Кстати, Фрэнсис Кэтрин Киркелди уже успела напроказничать, и, чтобы заставить девочку сожалеть о своем недостойном поведении, папа Киркелди отшлепал ее по попе, а потом, перекинув через плечо, словно мешок с овсом, понес на другой конец поля — подальше от веселых песен и плясок — к унылому серому камню, где и велел ей оставаться до тех пор, пока он не перестанет

сердиться и не вернется за ней. Время же, проведенное у камня, она обязана использовать для раздумий о своих прегрешениях. Так велел папа.

Фрэнсис Кэтрин не знала, что означает слово «прегрешения», и потому решила, что выполнять волю отца ей обязательно. К тому же внимание ее сейчас было полностью приковано к жирной кусачей пчеле, с грозным жужжанием кружившей над ее головой...

Джудит оказалась невольным свидетелем всей этой сцены. Ей почему-то стало жаль смешную веснушчатую девчушку, которая даже не поморщилась, когда отец шлепал ее по попе. Сама она наверняка бы разревелась, если бы дяде Герберту вздумалось вдруг проделать с ней то же самое.

Джудит решила поговорить с храброй малышкой. Выждав, пока мужчина не погрозит дочери пальцем и не отправится обратно к разноцветным шатрам, она подобрала подол своего платья и долгим кружным путем побежала к серому камню. К сидящей на нем девочке Джудит подошла со спины.

— Мой папа никогда бы меня не отшлепал, — решительно заявила она, но не столько для того, чтобы похвастаться, сколько для того, чтобы поскорее завязать знакомство.

Фрэнсис Кэтрин так и осталась сидеть, не поворачивая головы. Взгляд ее по-прежнему был прикован к здоровенной пчеле, теперь уже ползавшей по серому камню неподалеку от ее левой коленки.

Джудит ничуть не обескуражило ее молчание.

— Мой папа умер, — продолжила она, — еще до того, как я появилась на свет.

— Откуда ты тогда знаешь, отшлепал бы он тебя или нет?

Джудит пожала плечами.

— Просто знаю, и все. — И чтобы не возникло паузы, выпалила первое, что пришло ей в голову: —

А ты смешно говоришь — так, как будто у тебя что-то застряло в горле. Ведь застряло, правда? Я угадала?

— Нет, — ответила Фрэнсис Кэтрин. — Но ты тоже говоришь как-то странно.

— А почему ты на меня не смотришь?

— Не могу.

— Почему не можешь? — удивилась Джудит, теребя в ожидании ответа подол своего легкого розового платья.

— Потому что я слежу за пчелой, — ответила Фрэнсис Кэтрин. — Она может ужалить меня в любую минуту, и мне следует быть начеку, чтобы не допустить этого.

Джудит наклонила головку, чтобы поближе разглядеть ловящее насекомое, копошащееся на серой поверхности камня.

— Почему же ты ее до сих пор не прихлопнула? — спросила она шепотом.

— Я боюсь промахнуться, — призналась Фрэнсис Кэтрин. — Если это случится, пчела обязательно меня ужалит.

Джудит нахмурила брови и задумалась над тем, как помочь бедной девочке.

— А хочешь, я сама ее прихлопну? — предложила она вдруг.

— А ты этого хочешь?

— Может быть, и хочу... — неуверенным голосом начала Джудит. — А тебя как зовут? — продолжила она уже с большей уверенностью, желая немного потянуть время, чтобы собраться с духом для предстоящей схватки с пчелой.

— Фрэнсис Кэтрин. А тебя?

— Джудит. А почему это у тебя два имени? Что-то я раньше никогда не встречала людей с двумя именами.

— Дело в том, что мою маму звали Фрэнсис. Она умерла сразу же после моего рождения. Кэтрин — имя моей бабушки. Ее постигла та же участь. Церковь запретила хоронить их на освященной земле, поскольку сочла нечистыми. Папа надеется, что я буду хорошо себя вести и после смерти попаду в рай. Когда Бог услы-

шит два моих имени, он вспомнит маму и бабушку и простит их.

— А почему церковь сочла их нечистыми?

— Потому что они умерли во время родов, — объяснила Фрэнсис Кэтрин. — Ты что же, девочка, совсем ничего не знаешь?

— Ну почему, кое-что знаю... — смутилась Джудит.

— А вот я знаю почти все, — похвасталась Фрэнсис Кэтрин. — Папа говорит, что я ни в чем так не уверена, как в этом. Я даже знаю, как дети попадают к маме в живот. Хочешь расскажу?

— О да! — охотно согласилась Джудит.

— Как только кончается свадебный пир, папа берет свой кубок с вином и плюет в него, а потом заставляет маму сделать большой глоток. После того как мама проглотит вино, в животе у нее начинает расти ребенок.

Услышав столь восхитительную и одновременно отвратительную новость, Джудит скорчила брезгливую гримасу. Она хотела было попросить Фрэнсис Кэтрин рассказать ей что-нибудь еще, как вдруг та пронзительно взвизгнула. Джудит наклонилась к ней поближе и тоже взвизгнула. Пчела уселась прямо на носок туфельки ее подруги. Чем дольше Джудит смотрела на пчелу, тем огромное она ей казалась.

Разговор о родах был немедленно прерван.

— Ты ее прихлопнешь? — спросила Фрэнсис Кэтрин с надеждой в голосе.

— Да, но сначала мне нужно к этому подготовиться, — ответила Джудит.

— Боишься?

— Нет, — соврала она. — Я вообще ничего не боюсь. И мне кажется, что ты тоже ничего не боишься.

— Почему тебе так кажется? — удивилась Фрэнсис Кэтрин.

— Потому что ты не плакала, когда папа тебя шлепал по попке, — объяснила Джудит.

— Просто он шлепал меня понарошку, — улыбнулась Фрэнсис Кэтрин. — Папа никогда бы не ударил меня всерьез. Ему от этого было бы гораздо больнее, чем мне. Во всяком случае, так утверждают Гэвин и Кэвин. Вообще они говорят, что у папы со мной уйма хлопот и что он сильно портит меня тем, что постоянно балует. А еще они жалеют того беднягу, который женится на мне, когда я вырасту.

— А кто такие Гэвин и Кэвин? — поинтересовалась Джудит.

— Мои сводные братья, — объяснила Фрэнсис Кэтрин. — Мой папа и их папа тоже, но у них была другая мама. Она умерла.

— Умерла при родах?

— Нет.

— А от чего?

— Просто она бесконечно устала от жизни, — вздохнула Фрэнсис Кэтрин. — Во всяком случае, так сказал мне папа. Ну а теперь я покрепче зажмурюсь, если ты собираешься все-таки расправиться с этой пчелой.

Джудит решила во что бы то ни стало произвести благоприятное впечатление на свою новую подружку, поэтому отринула любые колебания. Она протянула руку и чуть было уж не прихлопнула злосчастное насекомое, как вдруг почувствовала легкое, едва уловимое прикосновение его трепещущих крылышек к своей нежной розовой коже. Ей стало щекотно, и она, сама того не желая, сжала пальцы в кулачок. Раздался дикий вопль.

Фрэнсис Кэтрин соскочила с камня и бросилась помогать своей новой подружке единственным известным ей способом: завопила тоже.

Джудит бегала вокруг и кричала так сильно, что чуть не задохнулась. Подружка бежала за ней по пятам, крича так же, только не от боли, а от страха и из сострадания.

На крик прибежал отец Фрэнсис Кэтрин. Вначале он поймал дочь, а после того, как та дрожащим голосом объяснила, в чем дело, догнал и Джудит.

Через несколько минут все стихло. Вынув пчелиное жало из ладошки Джудит и приложив к месту укуса кусочек прохладной земли, папа Киркелди нежно вытер девочке слезы краешком своего шерстяного пледа. Теперь он сидел на сером камне, прижимая к себе дочь, устроившуюся на одном колене, и Джудит, устроившуюся на другом.

Никто и никогда еще так не суетился вокруг Джудит. Ошарашенная таким обилием внимания по отношению к собственной персоне, Джудит сильно смутилась, однако противиться не стала.

— Надо сказать, что вид у вас был на редкость жалкий, — провозгласил папа, когда девочки перестали всхлипывать и вновь могли внимать его словам. — Вы вопили громче иерихонских труб и бегали по кругу друг за дружкой, словно куры с отрубленными головами.

Джудит никак не могла понять, сердится этот человек или нет. Голос его звучал довольно грозно, однако брови не были нахмурены. Но тут Фрэнсис Кэтрин хихикнула, и Джудит пришла к выводу, что отец ее подружки скорее смеется над ними, нежели сердится.

— Ей было очень больно, папа, — объявила Фрэнсис Кэтрин.

— Уверен, что ты говоришь правду, — согласился тот и, покосившись на Джудит, увидел, что девочка пристально смотрит на него снизу вверх. — Ты храбрая малышка, раз пришла на помощь моей дочке, — похвалил он ее. — Но в следующий раз не хватай пчелу рукой. Ладно?

Джудит приняла серьезное выражение лица и понимающе закивала.

Папа Киркелди похлопал ее по плечу и заметил:

— А ты красивая девчушка. Как твое имя, дитя?

— Ее зовут Джудит, папа, и теперь она — моя подруга, — поспешила сообщить Фрэнсис Кэтрин. — Ей можно будет поужинать вместе с нами?

— Это зависит от воли ее отца, — услышала она

— Ее отец умер, — продолжила девочка. — Это достойно сожаления, не так ли, папа?

— Несомненно. — Он кивнул. В уголках его глаз забрезжили морщинки, но не смех и не улыбка были тому причиной. — У этой малышки самые красивые голубые глаза, какие мне только приходилось когда-либо видеть в своей жизни.

— Но ведь у меня тоже самые красивые глаза, какие тебе только приходилось когда-либо видеть, правда, папа?

— Да, это правда, дочка. Но у тебя самые красивые карие глаза.

Фрэнсис Кэтрин оценила похвалу отца: кокетливо дернула плечиком и вновь хихикнула.

— Папа Джудит умер еще до того, как она появилась на свет. — Ей почему-то очень хотелось, чтобы папа узнал эту новость как можно скорее.

Папа Киркелди вздохнул и произнес:

— А теперь, дочка, я бы хотел, чтобы ты немного помолчала, пока я буду говорить с твоей подружкой.

— Слушаюсь, папа, — пообещала Фрэнсис Кэтрин.

Взгляд его вновь обратился к Джудит. Киркелди немного смущало то, с каким вниманием смотрит на него это юное создание. «Такая серьезная малышка, — подумал он, — слишком серьезная для своего возраста». Вслух же спросил:

— Сколько тебе лет, Джудит?

Девочка выставила перед ним четыре пальца.

— Видишь, папа? Ей столько же лет, сколько и мне, — прокомментировала ситуацию Фрэнсис Кэтрин.

— Нет, дочка, совсем не столько же. Джудит четыре года, а тебе уже пять. Ты помнишь об этом?

— Помню, папа.

Улыбнувшись дочери, папа Киркелди вновь попытался заговорить с Джудит.

— Ты ведь не боишься меня, правда?

— Она ничего не боится, — снова вмешалась в разговор Фрэнсис Кэтрин. — Она сама мне об этом сказала!

— Помолчи, дочка. Я хочу наконец-то услышать хотя бы пару слов от твоей подружки. Джудит, твоя мама здесь? — Папа Киркелди вопрошающе заглянул ей в глаза.

Девочка покачала головой. Она продолжала внимательно смотреть на него, нервным жестом накручивая на палец локон своих чудесных золотистых волос. Лицо папы Киркелди обрамляла густая рыжая борода. Когда он открывал рот, волоски ее смешно шевелились, и ей хотелось прикоснуться к ним, чтобы узнать, каковы они на ощупь.

— Джудит! Твоя мама здесь? — повторил папа Киркелди.

— Нет, моя мама сейчас гостит у дяди Текела и она не знает, что я здесь. Это мой секрет, и если я открою его ей, то уже никогда не смогу приехать на этот праздник. Так сказала мне тетя Милисента. — Почему-то в эту минуту Джудит хотелось рассказать этому человеку все, что ей было известно. — Дядя Текел говорит, что он мне почти как папа, хотя никакой он мне не папа, а просто мамин брат, и я никогда не сидела у него на коленях. Да мне никогда и не захотелось бы, даже если бы и было можно...

Папа Киркелди с трудом понимал, о чем идет речь, зато его дочь не испытывала в этом плане никаких затруднений. Кроме того, ее одолевало страшное любопытство.

— А почему же нельзя? — не выдержала она.

— Потому что у дяди Текела сломаны обе ноги, — пояснила Джудит.

Фрэнсис Кэтрин так и ахнула.

— Папа, разве это не достойно сожаления?

Отец тяжело вздохнул. Нить разговора явно ускользала от него.

— Да, несомненно, — кивнул он. — Но, Джудит, если твоя мать находится сейчас в гостях у дяди Текела, каким образом ты оказалась здесь?

— Я приехала сюда с маминой сестрой, — ответила Джудит. — Раньше я постоянно жила с тетей Милисентой и дядей Гербертом, но теперь мама мне этого не разрешает.

— А почему? — не унималась Фрэнсис Кэтрин.

— А потому, что однажды мама услышала, как я назвала дядю Герберта папой. Она так разозлилась при этом, что даже дала мне подзатыльник. А потом дядя Текел сказал, что следующие полгода я должна буду жить с ним и с мамой, чтобы я не забывала, кому принадлежу, а тете Милисенте и дяде Герберту придется обойтись без меня. Так сказал дядя Текел. Мама не хотела, чтобы я оставалась с ними даже на полгода, но Текел тогда еще не начал пить после ужина, и поэтому она знала, что все сказанное им он запомнит. Он всегда все помнит, когда не пьян. И мама опять ужасно разозлилась.

— Твоя мама разозлилась так, потому что пожалела тетю Милисенту, полагая, что та будет скучать по тебе эти полгода? — спросила Фрэнсис Кэтрин.

— Нет, — почти шепотом произнесла Джудит. — Просто мама называет меня своей обузой.

— Тогда почему же она не хочет, чтобы ты от нее уезжала?

— Она не любит дядю Герберта, — пояснила Джудит. — И поэтому все делает ему назло.

— А почему она его не любит? — продолжала допытываться Фрэнсис Кэтрин.

— Потому что он потомок проклятых шотландцев, — простодушно ответила Джудит, повторив то, что не раз слышала от матери. — Мама говорит, что я не должна даже разговаривать с проклятыми шотландцами.

— Папа, я — проклятая шотландка? — изумилась Фрэнсис Кэтрин.

— Нет, дочка, ты не проклятая шотландка, — ответил отец с какой-то грустью в голосе.

— А я? — встревожилась Джудит.

— Ты — англичанка, девочка, — терпеливо объяснил он ей.

— Проклятая англичанка?

В глазах Киркелди заметались искры отчаяния.

— Никто не проклятый! — воскликнул он и хотел было прибавить что-то еще, как вдруг его могучий живот потряс взрыв хохота. — Знаете что, мои сладенькие? В вашем присутствии мне лучше не говорить ничего такого, что вы могли бы потом повторять к месту и не к месту.

— Почему, папа? — искренне удивилась Фрэнсис Кэтрин.

— Тебе трудно будет это понять, девочка, — ответил ей отец, прекратив смеяться.

Он медленно поднялся на ноги, усадив дочку на одну руку, а Джудит — на другую. Обе девчушки запищали от восторга, когда он сделал вид, будто сейчас их уронит.

— А теперь пойдем поищем твоих тетю и дядю, пока они не начали беспокоиться, — обратился папа Киркелди к Джудит. — Ты помнишь дорогу к своей палатке?

У Джудит тотчас же все сжалось внутри от испуга. Она не запомнила, в каком месте стоит их палатка. А вдобавок ко всему она еще и не знала ее цвета...

Девочка собрала все силы, чтобы не разреветься от стыда и ужаса, затем прошептала:

— Не помню.

Ей показалось, что отец Фрэнсис Кэтрин сейчас накричит на нее, так же как кричит обычно в таких случаях дядя Текел, особенно когда пьян или чем-нибудь раздражен.

Однако отец ее новой подруги ничуть не рассердился. Джудит робко взглянула на него исподлобья и, к великому своему удивлению, увидела улыбку на его губах. Тревога ее тут же рассеялась. Папа Киркелди пообещал ей, что очень скоро разыщет ее родственников.

— Они сильно будут скучать по тебе, если ты не вернешься? — поинтересовалась Фрэнсис Кэтрин.

12 Джудит кивнула и призналась:

— Дядя Герберт и тетя Милисента будут даже плакать. Иногда мне хочется, чтобы именно они были моими папой и мамой. Честное слово, хочется!

— Почему? — изумилась Фрэнсис Кэтрин.

Джудит пожалала плечами. Она не знала, какими словами объяснить все это своей новой подружке.

— Ну что ж, нет ничего плохого в том, чтобы чего-нибудь хотеть, — улыбнулся отец Фрэнсис Кэтрин.

Услышав от него слова одобрения, Джудит почувствовала себя такой счастливой, что не выдержала и опустила ему на плечо свою златокудрую головку. Теплый плед под ее щекой оказался шершавым и приятно пах свежим воздухом.

Девочка подумала, что это самый чудесный папа во всем мире. Поскольку в эту минуту он не смотрел на нее, Джудит решила удовлетворить свое любопытство и, протянув руку, дотронулась до его бороды. Ей стало щекотно, и она хихикнула.

— Папа, тебе нравится моя новая подруга? — спросила Фрэнсис Кэтрин, когда они дошли до середины поля.

— Конечно, нравится, — утвердительно кивнул отец.

— Тогда можно мне взять ее себе? — В голосе девочки звучали воодушевление и надежда.

— Ради всего... — Ошарашенный вопросом дочери, Киркелди-старший воздел глаза к небу, а затем поспешно прибавил, прежде чем дочь успела открыть рот: — Нет, ее нельзя взять себе. Она же не щенок. Но ты можешь оставаться ее подружкой.

— Навсегда, папа? — спросила Фрэнсис Кэтрин после непродолжительного молчания.

Она задала этот вопрос отцу, но ответ на него ей дала сама Джудит.

— Навсегда, — застенчиво вырвалось из ее уст.

Фрэнсис Кэтрин схватила ее за руку и торжественно прошептала:

— Навсегда!

Таково было начало этой истории.

С того самого дня две маленькие девочки стали неразлучными подругами. Праздник же продолжался еще целых три недели, различные кланы приезжали и уезжали, а игры на звание победителя, как всегда, проводились в последнее воскресенье месяца.

Джудит и Фрэнсис Кэтрин не обращали внимания ни на какие соревнования. Малышки и без того были слишком заняты. Изо дня в день они только и делали, что делились друг с другом самыми сокровенными своими секретами.

Это была воистину идеальная дружба. Фрэнсис Кэтрин наконец-то нашла кого-то, кто готов был слушать все, о чем бы она ни рассказывала, а Джудит наконец-то встретила того, кто хотел бы говорить с ней часами напролет.

Справедливости ради заметим, что дружба эта доставляла немало хлопот их домочадцам. Фрэнсис Кэтрин, к примеру, стала вставлять через каждое слово определение «проклятый», а Джудит столь же часто начала употреблять выражение «достойно сожаления». Однажды днем, когда им, по всем правилам суточного распорядка, полагалось спать, они взяли и подстригли друг дружку. Тетя Миллисента, завидев беспорядочно выстриженные космы, подняла страшный крик и не утихомирилась до тех пор, пока не нахлобучила на головы проказницам по белому капору, чтобы хоть как-то скрыть от посторонних глаз это ужасное зрелище. И на дядю Герберта она тоже очень сердилась, потому что ему полагалось присматривать за девочками, а он не только нисколько не огорчился по поводу происшедшего, но даже хохотал как сумасшедший. Она велела мужу отвести обеих чертовок на другой конец поля и посадить на серый камень, дабы те хорошенько подумали о своем постыдном поведении.

Девочки действительно хорошенько думали, но только не о своем постыдном поведении. Фрэнсис Кэтрин, например, подала замечательную идею: у Джудит тоже должно

быть два полных имени, чтобы им совсем уж ничем

14 не отличаться друг от друга. На выбор имени у под-

ружек ушло довольно много времени. Но в конце концов решение было принято, и Джудит превратилась в Джудит Элизабет. После этого девочка отказывалась отзывать на чей-либо зов, если ее не окликали двумя этими именами одновременно.

Потом праздник кончился, и все разъехались по домам. Прошел год. Но когда на следующем празднике Фрэнсис Кэтрин и Джудит Элизабет встретились снова, было похоже, что расставались они всего-то на пару часов. Фрэнсис Кэтрин никак не могла дождаться того момента, когда их с Джудит оставят наедине. Дело в том, что она разузнала еще один умопомрачительный факт, касающийся рождения детей. Оказывается, женщине не обязательно выходить замуж для того, чтобы иметь ребенка. Она знала это наверняка, потому что одна из женщин Киркелди вырастила в своем животе ребенка, хотя и не была при этом замужем.

— И еще некоторые из старух клана швыряли камни в бедную девушку, — шептала Фрэнсис Кэтрин на ухо своей подруге, — а папа велел им прекратить швырять камни и приказал оставить бедняжку в покое.

— А в того мужчину, который плюнул ей в питье, они тоже швыряли камни? — поинтересовалась Джудит.

— Девушка отказалась назвать имя того, кто это сделал, — покачала головой Фрэнсис Кэтрин и продолжила: — Не трудно понять, что из этого следует. Это означает, что любая взрослая женщина, отпив из кубка, в который плюнул любой взрослый мужчина, наверняка получит ребенка в животе.

И Фрэнсис Кэтрин заставила Джудит пообещать ей, что та никогда ничего подобного не совершит. Джудит взяла с нее такое же обещание...

Годы, пришедшиеся на период взросления, в памяти Джудит слились в один сплошной туман. В сознание ее медленно, но неумолимо проникало понимание той ненависти, которая существовала между шотландцами и англичанами. Впрочем, она всегда знала, что ее